

ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МОДЕРАТОР МОДУСА ЭКОЛОГИЧНОСТИ

В.И. Шаховский

Кафедра языкознания
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
пр. им. В.И. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066

В статье демонстрируется необходимость интеграции наук для обоснования нового направления коммуникологии — эмотивной лингвоэкологии. Утверждается зависимость и взаимосвязь экологии языка и экологии человека с его эмоциями. Объектом рассмотрения является модус экологичности в коммуникации; предметом исследования — роль эмоций в формировании экологичного модуса высказываний. На основе научного анализа состояния проблемы эффективного общения, интроспекции, анализа текстов СМИ и художественной литературы, дискурсивного анализа эмоциональных ситуаций в институциональном и межличностном общении доказывается, что прямой зависимости между эмоциями и модусом экологичности нет, эта связь является ситуативной. Предлагаются новые перспективы преобразования теории культуры речи в теорию экологичной коммуникации.

Ключевые слова: экологичность, лингвоэкология, эмотивная лингвоэкология, коммуникативная эмоциональная ситуация, модус, модус экологичности.

Язык — это город, на построение которого
каждый живший на земле человек принес свой камень.
Р. Эмерсон

Если вдуматься в эти слова Р. Эмерсона, то получается, что человек погружен в языковую среду, которая является средой его обитания, в течение всей его жизни. И эта среда нуждается в защите от внешних и от внутренних воздействий, то есть от воздействий других пространств бытия человека (природа) и от самого человека — создателя и пользователя языка, ибо, по словам Р. Эмерсона, каждый человек, живший на земле, внес в язык, в его строительство свою лепту. Однако, как показывают различные дискурсивные практики, эта лепта не всегда является добротным строительным материалом. Иногда она деструктивна, и тогда язык (он же город) нуждается в защите. Поэтому уже в прошлом веке Д.С. Лихачев призывал заботиться не только об экологии природы, но и об экологии культуры.

Лингвистика как раздел филологии все больше и больше становится базовой наукой почти для всех современных наук. Долгое время она существовала в виде отдельных сменяющихся парадигм. Как только лингвистика стала антропоцентрической, то есть когда в ее объект был включен и человек — создатель и пользователь языка, а также его переживания, лингвистика начала кластироваться с другими науками. Так появилась социолингвистика, психолингвистика, прагматическая лингвистика, текстолингвистика и др. Поскольку важнейшим психологическим фактором человека являются эмоции, появилась лингвистика эмоций. Сегодня эмоции считаются центральным, стержневым качеством человека. Его эмоциональный тренд, индекс, интеллект управляют выбором языковых и стилистических средств в зависимости от ситуации общения. Эмоции моделируют не только вербальную, но и невербальную деятельность человека.

В XXI в. наблюдается возникновение научной триады — соединение лингвистики как науки о языке, экологии как науки о сохранении природы и валеологии как науки о сохранении здоровья человека. Это объясняется тем, что не только человек погружен в языковую среду, но и язык погружен в человеческую (социальную, психологическую, биологическую) среду, а это, в свою очередь, с одной стороны, требует защиты языка от этого разнообразия среды бытования (функционирования) языка, а с другой — требует защиты человека от самого языка, поскольку, как известно, слово может очень глубоко ранить, вызвать обиду, ненависть, а может вызвать любовь и целую гамму других эмоций, как оздоравливающих, так и разрушительных.

После того как лингвистика эмоций установила типы их категоризации языком через лексику, семантику, тексты и через типы их манифестации в вербальной и невербальной семиотике [1], после того, как стали говорить и писать об эмоциональном мозге [2] и, соответственно, об эмоциональном мышлении и сознании, был установлен эмоциональный дейксис, тренд, интеллект человека. Вскоре подняли вопрос о коммуникативных эмоциональных ситуациях общения, об эмотивной, этологической, экологической функциях языка, а затем и о его терапевтической функции. Постепенно исследователи пришли к мысли о том, что эта функция языка очень тесно связана со здоровьесохранительной деятельностью человека, в том числе и через язык. Таким образом, валеология как наука о сохранении здоровья человека переплелась и с терапевтической функцией языка, и стало возможным выделить как отдельное научное направление лингвоэкологию языка [3; 4 и др.].

Объектом науки о языкоохранении является изучение того, как язык сохраняет сам себя, то есть сохраняет свое здоровье или (в результате его неправильного использования человеком) портится. А с другой стороны, правильное/неправильное использование языка человеком приводит тоже или к улучшению здоровья человека, или к его порче.

Таким образом, лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное пользование языком разрушает язык и здоровье человека.

Лингвоэкология тесно переплетается с наукой о культуре речи, которая существовала давно и изучала грамотность речи и ее чистоту. Отсюда возникло такое метафорическое понятие, как «хорошая речь» — речь грамотная, чистая, культурная, эстетически и этически выдержанная. Все это можно считать различными параметрами культуры речи. Поскольку вся речевая деятельность, как и прочие деятельности человека, сопровождается эмоциями, было странным, что долгое время лингвисты не обращали внимание на то, как эмоции влияют на здоровье и языка, и человека [5].

Наблюдения за коммуникативным поведением социума, отдельных его групп и языковых личностей в различных эмоциональных ситуациях подтвердили нашу гипотезу о том, что эмоции непосредственно влияют на качество языка/речи и на качество здоровья и жизни человека. Отсюда возникла необходимость говорить об экологичности языка/речи, модус которых, с большой долей очевидности, зависит от эмоций говорящего и слушающего в конкретных коммуникативных ситуациях.

В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» М.А. Кронгауз олицетворяет русский язык, отождествляя его с говорящим на нем человеком. Автор справедливо замечает, что в результате регулярных негативных эмоций, транслируемых языком на его пользователей и на самого себя, все коммуникативное пространство русского языка в настоящее время находится в крайне негативном эмоциональном состоянии, граничащим с нервным срывом [6].

Под влиянием различных эмоциональных мотивов жители города под названием «Русский язык» приносили в последнее время строительные камни в основном в виде трех волн: бандитской, профессиональной и гламурной. И каждая из этих волн оставляла свои следы на теле языка и, увы, далеко не всегда созидательные. Многочисленные примеры неологизмов, как исконных, так и заимствованных, приводимые М.А. Кронгаузом в его книге, являются в том числе и языковым безобразием и указывают на явную необходимость защиты русского языка от его порчи и на огромную роль эмоций пользователей языком в этих процессах, как в порче, так и в ее предупреждении и борьбе с ней.

В книге М.А. Кронгауза отмечается, что язык не может не реагировать на изменения в обществе [Там же]. А поскольку язык — это часть нас всех и эти изменения в обществе касаются каждого из нас, то и эти изменения в языке отражаются в каждом из нас, в наших мироощущениях. Это касается приоритетных слов, нашего отношения к ним, в том числе и эмоционального реагирования на них. Модные словечки, приоритетные для какого-то периода времени, могут портить и язык, и самочувствие некоторой части языкового сообщества. Например, многие не принимают таких модных словечек, как *правильный*, *элитный*, *культурный*, *эксклюзивный* и прочие слова с «ватной» семантикой.

Многие из этих слов, по справедливому замечанию М.А. Кронгауза, являются словами-паразитами наравне с такими, как *типа*, *конкретно*, *значит*, *так сказать*, *как бы* и др., которые тоже являются неэкологичными, так как не способствуют повышению эффективности общения и вызывают раздражение, ухудшение мнения о говорящем. А многочисленные непонятные для восприятия заимствования в сфе-

ре спорта (*ассистенция*, *крузер* и т.п.) вызывают у слушателей чувство неловкости, дискомфорта, приводят к ликопонижению в своих глазах, а значит, и недовольству самим собой, что вызывает плохое самочувствие. К этому же относятся и многочисленные малопонятные новообразования с «инговой» формой типа *тролинг*, *контролинг* и др. Так «неправильные» с точки зрения русских коммуникативных норм слова влияют на здоровье человека. Данная проблема коммуникологию тесно связана со стратегией неполного понимания, которая снижает эффективность общения. Это всего лишь один из многочисленных фактов того, как неэкологичность «ватных», непонятных, ненормированных слов, вкрапленных в речь, прямо влияет на ее эффективность.

В книге М.А. Кронгауза термин «экология языка» появляется после тридцатой страницы [Там же]. Но уже до этого, по сути дела, автор говорит о неэкологичности всех этих модных, гламурных, бандитских, профессиональных словечек, засоряющих русский язык и вызывающих недовольство у взрослого населения. Это указывает на прямую взаимозависимость нервных срывов у человека и у его языка. К этим же причинам влияния на здоровье как языка, так и его пользователя относится сама информация о негативном событии и дискурсивные практики негативного содержания вокруг нее. Это объясняется их отрицательными последствиями в психосфере пользователей языком (всего социума).

Не совсем безобидным для экологии языка и речи является так называемый «язык падонков» (орфографические и фонетические искажения). На первый взгляд, это игра с языком, а фактически — это явная порча языка на игровом фоне (*чумачечая весна*, *очечи* и др.), что является еще одним примером неэкологичности. Такая игра с языком вызвана эмоциональными мотивами, и это доказывает, что такие мотивы могут быть и неприятными для языковой нормы.

К конфликтным эмоционально неэкологичным коммуникативным ситуациям относятся публичные вербальные дуэли политиков — предвыборные поединки различного рода, потасовки в парламентах (примеры в украинской Верховной Раде, в Государственной Думе) не только с непарламентскими словесными выражениями, но и с непарламентскими телодвижениями. И те, и другие являются явно неэкологичными, так как наносят ущерб и самому языку, и телу самих коммуникантов, а значит, и их здоровью из-за полученного при этом физического и морального вреда.

Наши наблюдения за различными жизненными ситуациями, которые включают в себя эмоциональные коммуникативные ситуации, также показывают, что эмоции могут приводить к порче языка в состоянии ссоры, гнева, обиды, ярости и к порче здоровья человека. Поэтому встает вопрос о необходимости включения в коммуникативную компетенцию таких ее компонентов, как эмотивная и эмоциональная компетенции, которые формируют эмоциональный интеллект человека. Они включают в себя понимание коммуникантами эмоций и знание об их функциях, параметрах, названиях, их способности открывать новые семантические и эмоциональные валентности слова, порождать новые контекстуальные понятия через вербальную упаковку в форме эмотивов разных статусов: аффективов, кон-

нотативов, потенциативов. Сюда же входит знание об эмотивной функции языка (в ее отличии от экспрессивной функции), об эмотивном фонде языка, эмотивном семиотическом коде (в двух разновидностях — вербальном и невербальном), о различных видах эмотивного текста, об эмоциональной коммуникативной ситуации и ее структуре и др.

Науке уже известно, что эмоции руководят выбором языковых и стилистических средств в различных коммуникативных ситуациях и тем самым задают тональность общения. Такая зависимость экологии языка/речи от эмоций ежедневно и многократно демонстрируется СМИ. Массмедийная экология иногда нарушается чрезмерной экспликацией отрицательных эмоций в лексике, синтаксисе, просодии, транслируемых СМИ на аудиторию. Приведем примеры некоторых эмотивных неологизмов с отрицательной коннотацией, порожденных конкретными эмоциональными ситуациями российской социально-экономической и политической действительностями: *бунт хорьков, гречневая лихорадка, жемчужный прапорщик, либерасты, дерьмокрааты, дерьмокрады, дымобилизация, журналюги, журнализы, ненавистливый, бюрократиада, бюрокрады, клеветон, лжизнь, фуфломицин, цитатливый, арестократ, тюремок, могоатырь, творянин, глажданин, буриданствовать, коллюзия, либидоносец, травматургия, словелас, лживопись, портвейнгеноссе* и др. Их многочисленность могла бы составить довольно объемный словарь журналистских эмотивных неологизмов русского языка XXI в.

Эти и им подобные неологические дериваты являются результатом языковой игры, мотивом которой выступают негативные эмоции говорящих. Референтом таких эмоций являются новые контекстуальные понятия, отражающие негативно-оценочное отношение к данным понятиям. Через такие игровые номинации эксплицируется негативность этих понятий, закодированная и воспроизводимая в их семантике. Данные лексические и синтаксические номинации являются неприятными. Эмоционально отрицательное отношение пользователей русского языка к этим новым понятиям делает их неэкологичными, равно как и коммуникативные ситуации, в которых они используются.

Напомним, что не только определенные коммуникативные ситуации вызывают эмоции *Homo Loquens*, но и сами эмоции *Homo Loquens* могут создавать эмоциональные коммуникативные ситуации. Это говорит о взаимозависимости эмоций и коммуникативных ситуаций. Такая взаимозависимость превращает *Homo Loquens* в *Homo Sentiens* [Шаховский, 2008], которые порождают все новые и новые дериватные эмотивы. К таким неэкологичным новообразованиям относятся, например, следующие: *беруша* («ласково о взяточнике»), *абитуриентский туризм, брехлама* (реклама, которая и брехня, и хлам), *нехоть* (состояние, когда ничего не хочется), *зомбоащик* (телевизор), *самозвонец* (тот, кто всюду звонит о себе, саморекламщик), *трепортёр* (многопустословный репортер), *стабилизец, обьЕГЭ-рить* и т.п. (примеры М.Н. Эпштейна) [7; 8].

С позиций эмотивной лингвоэкологии языковая игра еще никем не рассматривалась. А большинство аналогичных эмотивных номинаций, как экологичных, так и неэкологичных, образуется именно с помощью языковой игры. И эти номинации некоторое время остаются коммуникативно значимыми в эмоциональных

ситуациях общения. Необходимость в таких образованиях и психологическая тяга к ним указывает на потребность коммуникантов в неэкологичном общении, например, с использованием мата во всех сферах человеческой деятельности. Происходит нечто схожее с наркозависимостью, которая тоже является неэкологичной.

Некоторые из игровых дериватов являются оксюморонами или оксюморонимами, и через них становится ясным, как происходит кристаллизация негативной мысли в сознании и негативного эмоционального смысла в слове. В неологизмах проявляется креативная функция мышления и языка. Смыслоформирование и смыслооформление, кристаллизация мысли в слове совмещается с эмоциональным оцениванием, в результате чего происходит концептуализация и лексикализация новых контекстуальных понятий, например, *половодье чувств*, *ампутация совести*, *хирургическое невмешательство*, *злобр*, *адорай*, *ЕГЭТО* и т.п.

Транслируемые через СМИ негативные факты, демонстрация негативных событий и использование негативных лексических и синтаксических новых дериватов для их описания и изображения задает через некоторые СМИ неэкологичный формат общения и поведения в социуме. Это также провоцирует соответствующие негативно эмоциональные состояния, которые не могут привести к улучшению здоровья получателя информации.

К сожалению, деструктивный тренд наблюдается почти во всех сферах современного человеческого общения, включая и искусство (например, эпизод с С. Филиным, художественным руководителем Большого театра). Довольно заметным является разрушительный эффект многих современных песен, и не только на русском языке. Как показывают исследования А.В. Пузырёва [9], этот тренд все более глобализуется. Так, многие англоязычные песни на радио *Европа +* и *Love Радио*, по его мнению, направлены на эвокацию физического удовольствия от секса (и тогда они выполняют функцию электродов на теле крыс, с помощью которых у последних вырабатывается инстинкт удовольствия на определенные стимулы) или явно провоцируют деструктивные эмоции — тоску, разочарование, беспокойство, раздражение, дискомфорт — то есть негативные чувствования и переживания. Как показывает статистика этого автора, например, за последние три года на *Love Радио* круглые сутки звучали как минимум амбивалентные и как максимум чисто деструктивные песни. А это, конечно же, подтверждает вывод о деструктивном эмоциональном тренде современного молодежного песенного жанра. Так что и этот фрагмент художественной коммуникации занят негативными эмоциями. Получается, что человек находится в семиотическом языковом круге разрушительных эмоций.

В результате влияния массмедийного поведения, его видеоряда и текстов, вербального и невербального поведения социума формируется так называемая «другая языковая личность» (термин О.Б. Сиротининой) [10]. Вербальная неэкологичность является одним из параметров «другой языковой личности». Молодое поколение соревнуется в мате и считает такое поведение особым шиком. Оно не только так говорит, но и так думает. А это уже влияние на сознание.

Другая языковая личность является нравственно-этическим последствием неэкологичного общения и неэкологичного невербального и визуального масс-

медийного поведения, которое формирует иное/другое мировоззрение. Совершенно очевидно, что к уже выделенным эмотивной лингвоэкологией параметрам экологичности общения должен быть добавлен параметр этичности. А он непосредственно связан с влиянием коммуникативных эмоций на тип экологичности: экологичное vs неэкологичное общение.

Высказанная ранее гипотеза о прямой зависимости экологичности общения от модуса реализуемых эмоций (положительные/отрицательные) и от типа эмотивных семиотических знаков, реализующих эти эмоции, наталкивается, однако, на дискурсивные практики. А они показывают, что изначально принимаемые как отрицательные эмоции, например, гнев, ярость, могут в определенных коммуникативных ситуациях быть экологичными, например, *Пусть ярость благородная вскипает, как волна // Идет война народная, священная война* — благородный гнев. С другой стороны, общеизвестно такое речение, как *облить грязью похвал*, в котором положительная эмоция похвалы выступает в неэкологичном модусе.

Следовательно, лингвоэкологам еще предстоит развить тезис о типах зависимостей экологичного/неэкологичного общения от амбивалентных, а может быть, и поливалентных эмоций. Поскольку коммуникативные ситуации бесконечны, но типизировать их все-таки возможно, представляется необходимым установить зависимость модуса экологичности от потенциального модуса амбивалентных эмоций. В связи с этим можно вспомнить высказывание Аристотеля о том, что сама эмоция гнева ничего не говорит вне конкретной ситуации: кто гневается, на кого, за что, как и какова эффективность конкретного гнева. Другими словами, получается, что с позиций экологичности у самого гнева два модуса, то есть, с одной стороны, можно говорить о противоположных модусах противоположных эмоций, с другой стороны — о противоположных модусах одной и той же эмоции, а следовательно, и о противоположных модусах ее экологичности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в дискурсивных практиках оскорбления и мата, которые тоже могут быть амбиэкологичными, как это ни странно может казаться на первый взгляд. Это одна из многочисленных проблем эмотивной лингвоэкологии и эмотивной лингвоконфликтологии, которую еще предстоит исследовать и описать. А после этого нужно внести в научающую коммуникацию лингвоэкологический компонент как одну из составляющих коммуникативной компетенции. Поскольку, по мнению многих лингвистов, все общение человека сопровождается его эмоциональным переживанием, то такое обучение также является одной из ближайших проблем эмотивной лингвоэкологии и коммуникалогии. Этот процесс тренинга может осуществляться как через текстовую, так и через реальную коммуникацию. Результатом такого тренинга должны быть как экологичные упаковки эмоциональных и рациональных смыслов, так и экологичные коммуникативные ожидания.

В заключение напомним еще раз, что эмоции являются мотивационной основой сознания, а, по словам А.А. Леонтьева, интенция — дитя мотива. Получается, что модус экологичности общения зависит от модуса эмоциональной интенции, эмоционального мотива речевого высказывания и его эмоционального осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- [2] *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
- [3] *Сковородников А.П.* Лингвистическая экология: проблемы становления // *Филологические науки*. 1996. № 2. С. 64—69.
- [4] *Сковородников А.П.* О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 194—222.
- [5] *Солодовникова Н.Г., Шаховский В.И.* Терапевтическая функция языка // *Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда*. 2010. URL: <http://www.ecolinguistics.ru/index.php>.
- [6] *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008.
- [7] *Эпштейн М.Н.* Однословие как литературный жанр // *Континент*. 2000. № 104. С. 279—313.
- [8] *Эпштейн М.Н.* Мат — язык тех, кто ничего не может // «Огонек». 14 декабря 2009. № 31 (5109). С. 42—44.
- [9] *Пузырёв А.В., Сафронова В.В., Маркин С.А., Гуренко И.С.* Направленность хитовых песен радиостанций «Европа+», «Русское Радио» и «Love Радио» в 2009—2011 гг. // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XII Международной научной конференции (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.)* / Отв. ред. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2012. С. 168—176.
- [10] *Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи // *Хорошая речь* / под ред. М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 16—29.

ECOLOGICAL COMPATIBILITY MODE IN EMOTIONAL COMMUNICATION

V.I. Shakhovsky

Romance Philology Chair
Institute of Foreign Languages
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Lenin Ave., 27, Volgograd, Russia, 400066

Language is a city to the building
of which every human being brought a stone.
R. Emerson

The article demonstrates the necessity for the integration of different sciences to corroborate a new scientific direction in communicology called emotive linguoecology. The author postulates the interdependence of language ecology and human ecology with individual's emotions. The study object is ecological compatibility in communication; the subject of the research is the role of emotions in shaping ecological compatibility of utterances. The research analyses of problems in effective communication, introspection, mass media and fiction text analysis, discourse analysis of emotional situations in institutional and interpersonal communication prove that there is no direct interdependence between emotions and ecological compatibility mode; this connection is situational. The author offers new perspectives on how to shift from the theory of speech culture to the ecological communication theory.

Key words: ecological compatibility, linguoecology, emotive linguoecology, communicative emotional situation, mode, ecological compatibility mode.

REFERENCES

- [1] *Shahovskij V.I.* Kategorizaciya `emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.
- [2] *Simonov P.V.* `Emocional'nyj mozg. M.: Nauka, 1981.
- [3] *Skovorodnikov A.P.* Lingvisticheskaya `ekologiya: problemy stanovleniya // Filologicheskie nauki. 1996. № 2. S. 64—69.
- [4] *Skovorodnikov A.P.* O predmete `ekolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka // `Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 194—222.
- [5] *Solodovnikova N.G., Shahovskij V.I.* Terapevticheskaya funkciya yazyka // Ecolinguistics: chelovek, yazyk i okruzhayuschaya sreda. 2010. URL: <http://www.ecolinguistics.ru/index.php>.
- [6] *Krongauz M.A.* Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008.
- [7] *Epshtejn M.N.* Odnoslovie kak literaturnyj zhanr // Kontinent. 2000. № 104. S. 279—313.
- [8] *Epshtejn M.N.* Mat — yazyk teh, kto nichego ne mozhet // «Ogonek». 14 dekabrya 2009. № 31 (5109). S. 42—44.
- [9] *Puzyrev A.V., Safronova V.V., Markin S.A., Gurenko I.S.* Napravlennost' hitovyh pesen radio-stancij «Evropa+», «Russkoe Radio» i «Love Radio» v 2009—2011 gg. // Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ul'yanovsk, 16—19 maya 2012 g.) / Otv. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: In-t yazykoznavaniya RAN; Ul'yanovsk: Ul'yanovskij gos. un-t, 2012. S. 168—176.
- [10] *Sirotnina O.B.* Osnovnye kriterii horoshej rechi // Horoshaya rech' / pod red. M.A. Kormilicinoj, O.B. Sirotninoj. 3-e izd. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. S. 16—29.